

Без Жизелей

Новый балетный коллектив показывает «любовь с когтями и зубами»

Майя Крылова

Фраз о любви и сексе у Василия Розанова можно найти если не сотни, то точно десятки. Выберете из них несколько, прибавьте музыку (в данном случае – Шопена, хотя его элегические ноты, по-моему, совсем не розановские по духу) – и получите основу для философского балета. Такого, которым, по мнению организаторов, не зазорно презентовать новый балетный коллектив с красивым названием «Корона русского балета».

Оглашенная на спектакле прамбула гласила, что «талантливые молодые люди» из Детского музыкального театра решили создать балетную антрепризу. Видимо, надоело работать только для юношей. Захотелось «абсолютно нового репертуара» и «дерзновенного шага в будущее». И чтоб никаких па-де-де из «Лебединого озера» и прочих дон кикотов с жизелями. «Корона русского балета» претендует на «репертуар двадцать первого века»: так прямо и написано в приветствии министра культуры Михаила Швыдкого, который никак не мог видеть «коронный» спектакль, но, видимо, поверил организаторам на слово. При этом означенный шаг в будущее надо сделать не абы как, а «отталкиваясь от основ классического балета». Да еще не забыть слова о духовности и Боге. И обратиться к зрительному залу с просьбой «поддержать» новый театр, созданный «без помощи меценатов и спонсоров».

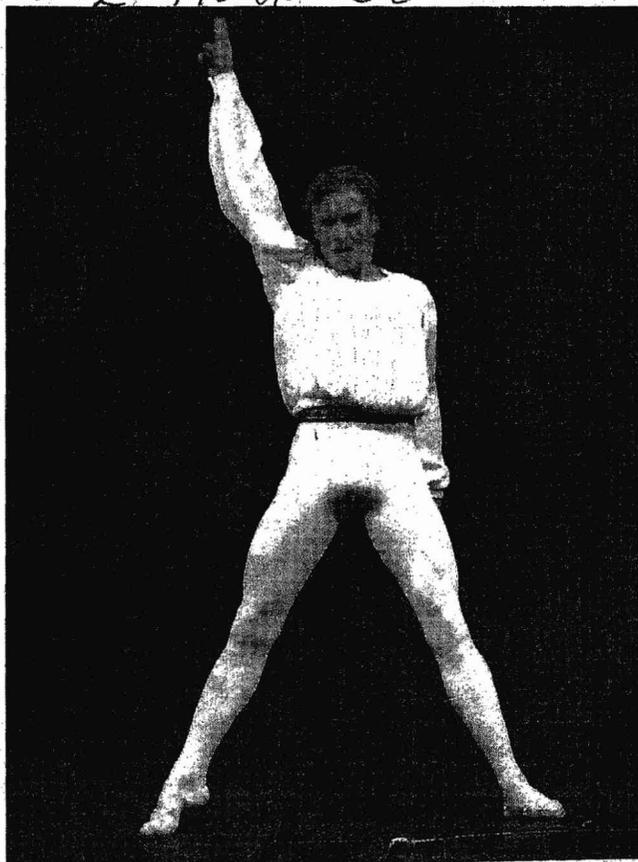
После этого критику как-то даже неловко замечать очевид-

Независимая. — 2002 — 14 авг. — С. 8.

ное: «репертуар двадцать первого века» – трижды перелюбовавшая неоклассика, а программный балет по Розанову «Встречные ветра» напоминал сразу все работы хореографов, работавших в этом направлении последние пятьдесят лет. К тому же тесная и неудобная для балета сцена Театра современной пьесы губила ростки хорошего, замечавшиеся на спектакле, – к примеру, прыгучесть отдельных танцовщиков или их самоотдачу при общем впечатлении, увы, тяжеловесной и технически несовершенной школьности. Полутона шопеновской музыки при таком исполнении истаявали в никуда, становясь столь же брутальными, как вырванные из контекста розановские цитаты.

Из марева стандартных поз и телодвижений семи танцовщиков (три пары любовников и лавирующая между ними одинокая девушка) смутно прорисовывались разбитые сердца, любовные треугольники и эротические экстазы. На сцене волею хореографа Анатолия Емельянова закуривали сигарету с длинным мундштуком, швырялись игральными картами (видимо, символ игры чувствами другого) и осыпали любимую искусственными цветами. По залу гулял зачитанный хорошо поставленным баритоном тезис Розанова «отстаивай любовь когтями и зубами».

Во втором отделении выяснилось, что, кроме неоклассики, репертуар театра будет состоять из миниатюр, отсылающих (за исключением хорошего, но от-

Нет повести печальнее на свете... Клятва Ромео от Анатолия Емельянова.

Фото предоставлено театром «Корона русского балета»

нюдь не нового номера «Тотем») аж к эстетике 50-х. Это когда зрителю все в танце разжевывают и в рот кладут. Причем независимо от возраста хореографа – молодой Емельянов с его эмоциональными «наворотами» ставит столь же повествовательно и так же оглуши-

тельно наивен, как маститый хореограф Детского театра Борис Ляпаев, обходящийся минимумом лексики. Обескураживает, что все это подано с искренней радостью изобретателя велосипеда, полагающего, что он действительно изобрел велосипед.